

“Невесёлый фарс” (Коренблит – Сарлык)

1. Ангел судьбы - 1.22
2. Ода дворника - 1.37
3. Приходит женщина - 2.07
4. Расставание - 2.13
5. Торт - 1.09
6. Прощай, моя радость - 2.02
7. Загадка - 0.58
8. На перроне - 1.42
9. Невесёлый фарс - 3.11
10. Белое и черное - 2.10
11. Вставай и ходи - 1.46
12. Склеенный рожок - 2.05
13. Эхо забытого лета - 1.19
14. До погоста-креста - 3.23
15. Холодный сонет - 1.42
16. В подъезде - 2.36
17. Певец - 2.32
18. Створный знак - 1.42
19. Грустное скерцо - 2.17
20. Волчья серенада - 1.19
21. Когда исчезну - 2.17
22. Моей вдове - 1.43

Общее время звучания – 43.12

СОДЕРЖАНИЕ

1. АНГЕЛ СУДЬБЫ

Слушай: странный трубач, небывалый трубач

Извлекает трубу из футляра.

В той трубе поселился серебряный плач

И рассыпчатый хохот фигляра,

Безмятежная грусть на угасшей волне

И бездумное счастье паденья,

А на самом на дне – или кажется мне? –

Слышу чудное чьё-то мгновенье.

Но в изгибах трубы, где дыханью тесней

Под сурдиной наветов и вздора,

Притаились все вздохи ветров и морей

Из ларца сумасбродки Пандоры.

Осторожней, трубач: старой меди труба –

Выдох жизни иль вдох для кого-то?

Всё ему нипочём: задрожала губа –

Началась продувная работа.

2. ОДА ДВОРНИКА

Сегодня щедрая весна,

Как королева.

Ногою правой встал со сна
И топнул левой.

Двумя движеньями ноги
Убрал участок.
Наполовину был нагим
И вдрызг был счастлив.

Проходим пел я: "Что пройдёт,
То будет мило!"
А солнце взламывало лёд,
Глаза ломило.

Ручьи наяривали туш,
Крутили сальто,
Срывали наледь зимних стуж
С душ и асфальта.

За их весеннюю страду
Сложу им оду.
Демисезонную беду
Смету я в воду.

До осени не буду я
Писать элегий.
Спасибо вам, мои друзья,
Мои коллеги!

3. ПРИХОДИТ ЖЕНЩИНА

Приходит женщина ко мне:
Она любить меня не хочет,
Она забыть меня не может,
И вот опять идёт ко мне.

Войдет и скажет: "Ты не рад?
Пожалуйста, не прикасайся!"
И этим самым – "не касайся"
На рану сыпет сладкий яд.

Так значит я ещё любим,
И ничего не позабыто,
То что должно бы быть убито?
И ест глаза нам горький дым.

А что, вернуть уже нельзя?
Но почему нельзя, ответь мне...
Молчишь. Траву качает ветер.
И ничего вернуть нельзя.

"Сунок, сунок, о мой сунок..." –
Шарманка дребезжа выводит.
Она пришла, и вот – уходит.
Проходит все, всему есть срок.

Я не могу тебе помочь,
 Ты потерпи ещё немного –
 Всё сдует ветер, и дорога
 Впитает пыль, как звёзды – ночь.

4. РАССТАВАНИЕ

Ах, эта маленькая женщина
 С надеждой крохотной в душе!
 Молвою мы давно повенчаны,
 Да вот – развенчаны уже.

Прошло весеннее затмение,
 И крик в ночи, и летний зной.
 Пришло спокойствие осеннее
 Сквозной усталой новизной.

Я сам себе и поезд, и вокзал,
 И уйду, и остаюсь.
 И остывают вслед твои глаза,
 И от вагона отстают.

Идёшь вдали, не слышу голоса –
 Как мягко стелет первый снег!
 Нет лиц – лишь линии да полосы,
 И мне в ответ твой горький смех.

5. ТОРТ

Уехала, качнулся
 Зеленый твой вагон.
 Я постоял, очнулся
 И глянул на перрон.

Уехала, уехала
 Надолго-навсегда.
 Остался торт ореховый –
 Ванильная беда.

Уехала, уехала,
 Уехала, ну что ж –
 Я буду есть ореховый,
 На всех других похож.

Уехала, растаяла,
 Как льдинка между льдин.
 Лишь горький торт оставила –
 Доем его один.

6. ПРОЩАЙ, МОЯ РАДОСТЬ

Высокая светлая осень,
 Высокие тонкие ели,
 И тонких берез свеченье,
 Как в храме! Но нет тебя возле...

Прощай же, прощай, моя радость!

Быть может, когда-нибудь после,
Но порознь, теперь уже порознь
Заметим осеннюю поросль
И взглядом рассеянным озимь
Погладим... Прощай, моя радость.

Вон лошадь мышастого цвета
Все ходит и ходит кругами,
Но это, конечно, другая –
Прощай же, прощай, моё лето.

А снега всё нет, и морозы
Легли на поля светлой грустью,
На воду озёр тихим грузом –
Прости мне, прости, моя радость.

Вздохнула, качнулась осока.
Из леса шальная сорока
Порхнула, крича мне: "До срока,
До срока..." Прощай, моя радость!

7. ЗАГАДКА

Я тебя ненавижу,
Так зачем же ко мне
Ты приходишь, бесстыжая,
Каждой ночью во сне?

Ты меня ненавидишь.
Почему ж не любя
Я наощупь, невидящий,
Обнимаю тебя?

И почти не ревную,
И совсем не зову,
Отчего поцелуи
Слаще, чем наяву?

Что ни ночь, то – загадка:
Разве может так быть,
Чтобы было так сладко
Нам с тобой нелюбить?

8. НА ПЕРРОНЕ

"Прошу опять прощенья!"
"Навек опять прощай!"
В людском круговращенье
Встречались невзначай.

Друг друга обнимали
Отвыкшими руками,
Друг друга целовали

Остывшими губами.

Что делать им, не знали,
С собою и друг другом –
Привет передавали
Супругам.

И вовсе не скорбели,
И вовсе не скучали,
А просто всё смотрели,
И просто всё молчали.

А между ними стоя,
Не зная, чем помочь,
Росла, как Песня Сольвейг,
Их маленькая дочь.

9. НЕВЕСЁЛЫЙ ФАРС

Просыпаюсь поздно ночью
Я под вой пурги.
Ночь длиннее, жизнь короче –
Звездные круги.
Что же так мне тошно стало,
Вьюга, подскажи.
То ли молодость отстала,
То ль проходит жизнь?

Заварю покрепче чаю –
Сахар, хлеб да соль.
Расскажу себе печалю
Про свою Ассоль,
Что не верною досталась,
Хороша да зла,
От себя самой устала –
Вот и позвала.

Разыграли мы по Грину
Невесёлый фарс,
Снялись для фотовитрины
В профиль и анфас,
Вместе съели полстакана
Соли и лимон –
Как от соды тараканы,
Разбежались вон.

Снял я алую рубаху,
Гольный и босой
Сердце выплеснул с размаху
Под ноги Ассоль.
Стал Летучим я Голландцем
Средь чужих морей,
Стал залётным чужестранцем
На земле своей...

Ем теперь сырую печень,
 Чёрную, как яд.
 Стал беспечен, обеспечен,
 Бессердечен я.
 Только ночью, только ночью
 Вдруг под свист планет,
 Загорочается очень
 Там, где сердца нет.

10. БЕЛОЕ И ЧЁРНОЕ

Одна была белая-белая,
 Другая же – чёрная-чёрная.
 Одна будто голубь, несмелая,
 Другая, как ворон, учёная.

Одна надо мною парила,
 Другая порой навещала.
 Одна мне победу сулила,
 Другая беду предвещала.

Хотел я, чтоб выпало среднее
 На их роковом токовище,
 Питал я надежду последнюю,
 Что обе меня не отыщут –

Ушёл далеко и надолго,
 Вернулся нескоро и тихо,
 И сбил я со следа и с толка
 И счастье, и лихо.

Принёс постарелое тело,
 И тьма надо мною сгустилась.
 Одна, будто ворон, взлетела,
 Другая, как голубь, спустилась.

11. ВСТАВАЙ И ХОДИ

Я тридцать три года сидел на печи,
 Вдруг сила восстала.
 Среди ночи клокочет она и рычит,
 Прочь гонит усталость.

"Не время башке на подушке лежать, -
 Она говорит мне грубо. –
 Ещё належится кругла и свежа,
 Когда её срубят!"

Она говорит мне: "Вставай и ходи!"
 Она говорит мне: "Слушай,
 Покуда стучит в этой сонной груди
 Комочек, вмещающий душу,

Пока тянут воздух большие меха

И в горне огни шалобродят,
Ищи, где ржавеют твои лемеха,
Где конь неприкаянный ходит,

И где Соловей твой на дубе сидит,
Всё свищет – никак не дожждётся...
Короче, родимый, вставай и иди,
Иначе жизнь не зачтётся.

И славу тебе Боян не споёт –
Ни песни, ни сказки.
И русской истории хлеб не взойдёт
Без этой закваски!"

12. СКЛЕЕННЫЙ РОЖОК

Прощальный кину взгляд на стол, окно и ложе.
Я возвращусь – когда, узнаю полюбя.
Но я уже не тот, мой милостивый Боже,
Как на путях твоих мне отыскать себя?

Здесь было хорошо – быть может, даже слишком,
Но мой куражный дух, как бражный дух бродил.
И как в кастрюле пар приподымает крышку,
Я вышел из себя и больше не входил.

Ну можно ли играть с самим собою в прятки?
Бездушно тело здесь, душа бездомна там.
В чём держится она, когда уходит в пятки,
И долго ль мне блуждать за нею по пятам?

Незримая бредёт, заглядывая в лица,
Ища среди них своё, сиротства не тая.
Так тыща лет пройдёт, и тыща зим продлится,
Пока ей на пути не повстречаюсь я.

И мы переживём неловкую минуту,
Тягучую, как сон, сходясь за пядью пядь.
И будет нам смешно и горько почему-то,
И будет солнце плыть в вечернем небе вспять.

И я войду в себя, как конь троянский в Трою,
Как поздний Одиссей в Итаку по весне.
Как клеенный рожок, я сам себя настрою
На детство – чтоб светлей, на юность – чтоб ясней.

13. ЭХО ЗАБЫТОГО ЛЕТА

Просторный лесной полустанок.
На крылышке лета стою.
Осина поёт неустанно
Осиную песню свою.

Стрекоз голубое скольжение,
В колодце седая вода.

Двух облак слепых притяженье,
Бок о бок плывущих сюда.

Мелодии дальней круженье.
Безудержный давний вокзал,
Где я, одолев притяженье,
Последних двух слов не связал.

Да как я решился на это?
Две жизни связать я не смог!
И эхо забытого лета
Меня опрокинуло с ног.

14. ДО ПОГОСТА-КРЕСТА

Тихо в деревеньке той – у реки,
Чуть примята в колее трин-трава.
Что же вы наделали, старики,
Что старухи ваши тащатся по дрова?

У одной мужик в реке утонул,
У другой – от самогона сгорел.
А у третьей как ушел на войну,
Так случайно угодил под расстрел.

У четвертой – молча вынес ружьё
И устроил сам себе благодать.
Что же вы наделали, старушьё –
Стариков-то ваших уж давно не видать?!

О московских новостях расспросив,
Разбрелись они по шатким дворам.
Что же мы наделали – на Руси
Не кричит по-петушиному детвора!

Тишина той деревеньки окрест,
Будто призраки живут в тех местах.
И доколе ж им нести этот крест?
Ну, конечно до погоста-креста.

15. ХОЛОДНЫЙ СОНЕТ

Два дня ел мертвый воздух – и не умер.
Два дня жег снегом рот – и не напился.
Лежал в снегу и встал седым и умным.
Вдруг вышел к дому - и не удивился.

Я ночью вышел к дому – тундра пела
Высоким тоном тоненькой свирели.
То снег пересыпался или в теле
Все жилы перестуженно звенели?

Визжа, как псы, лыжню лизали лыжи –
А на бегу я этого не слышал.
Луна катилась вслед клубочком рыжим.

Я все же вышел к дому – значит, выжил,

И вновь у рубежа, где выбор вечный:
Там банка молока – здесь холод млечный.

16. В ПОДЪЕЗДЕ

Девчонка в подъезде греет озябшие руки,
Ветер шумит за воротами старого дома.
Снова зима, словно не было года разлуки,
Будто и не были раньше мы с нею знакомы.

За батареей пахнет сушёною пылью,
Чистою пылью поздних безмолвных свиданий.
Что ж, начинай свои странные небыли-были –
Я опишу тебе разные недали-дали.

Руки сцепив, будем рассеянно слушать
И удивляться, что происходит на свете.
Снова пришёл к нам ваше высочество случай,
Снова в подъезде робко стоим, словно дети.

Золушка в ТЮЗе меряет новую обувь,
Голый король шьёт себе новое платье,
Мир понемногу готовится к новому году –
Мы осторожно с тобой обновляем объятья.

17. ПЕВЕЦ

Он сквозь струны просеивал уличный гам,
Он всех нас понимал, ни за что не корил
И на кухне взамен тараканьим бегам
Две холодных звезды на прощанье дарил.

Вон высокая ель, вон задумчивый конь,
Вот лоза виноградная – мать всему,
Над плитой над газовой – синий огонь,
Тёплый венчик зимы – диадема ему.

Ах, факир, укрощающий уличный ритм –
Его тонкая тихая флейта – печаль,
Но земля покачнулась, и небо горит,
Над Москвой чёрный аист кричит по ночам!

Ах, волшебник, спасающий ночь ото дня,
Подпирающий небо тщедушным плечом –
Ну зачем на рассвете он поднял меня,
Опоясал сомнений двуострым мечом?

Всё, чем он обольщал, трижды выпало мне –
И в огне, и по льдам я прошёл наяву,
И не звуки фанфар – шёпот плыл в тишине:
«А иначе зачем на земле этой вечной живу?..»

18. СТОРНЫЙ ЗНАК

Плыву на створный знак, вода прозрачна.
 Плыву издалека, и с тихим плеском
 Уходят рыбы вглубь и вновь всплывают.
 И тишина кругом, как от затмения.

За что, скажите мне, такой подарок
 Мне сорок лет назад вручила мама:
 И эти сорок лет, и эту полночь,
 И этот створный знак – две белых вежи?

К утру молочный пар покрывает воду,
 Я опущусь на дно парящей лодки,
 Я погружу лицо в парное небо,
 И млечных две реки в одну сольются.

Я так давно плыву по этим рекам.
 Мне с берегов кричат: "Постой, куда ты?.."
 И вот он – этот знак, и ночь, как счастье –
 И детский след в песке, босой и тёплым.

19. ГРУСТНОЕ СКЕРЦО

Устал тащить земную ношу,
 Ногами прах костров толочь,
 Томиться днём, метаться ночью –
 Так день за днём, за ночью ночь.

Они идут и жизнь уносят -
 Идут, идут, идут они –
 Такие тягостные ночи,
 Такие суетные дни!..

Дыханьем сумрак согревая,
 Огромный город глухо спит.
 В окне дежурного трамвая
 Висит забытый кем-то крик.

Он спрыгнет в ночь, и в даль умчатся
 Пустой салон и яркий свет.
 Кондуктор спит и видит зайца,
 В тоске берущего билет.

20. ВОЛЧЬЯ СЕРЕНАДА

Я один, как волк заматерелый:
 Когда тундра спит,
 Сердце так раскачивает тело,
 Что весь дом скрипит.
 И звериной нежности обучен,
 Я в тоске тону –
 Выхожу на кручу и беззвучно
 Вою на луну.
 Холодно, идёт затмение сердца
 Столько зим подряд.

Ты во мне, как злая долька перца –
 Аж кишки горят!
 И прозрачным пламенем горящий
 Я бреду сквозь снег.
 Ангел мой, так безмятежно спящий,
 Оглянись во сне!

21. БОЛЬ НЕПОНЯТНАЯ

Вдруг вошла в меня боль непонятная
 Посредине надсадного дня –
 Рентгенолог, взгляните на пятна,
 Что за пятна в душе у меня?

Мне достались они по наследству
 Иль причиной сквозняки у окон?
 Скрип ворот городецкого детства
 Иль Москвы кабинетный трезвон?

Из какой азиатской пучины?
 Из каких европейских орбит?
 От курганной славянской кручины
 Или древних синайских обид?..

Знаю, ветер сметёт одинаково
 Пыль великих и малых имён.
 Так зачем же, сутулясь, как раковина,
 Я глотаю печали времён?

Знать, затем чтоб когда я исчезну
 И из почек рванётся листва,
 Зрел целительным соком болезненно –
 Терпкий ком моего естества.

22. МОЕЙ ВДОВЕ

Весёлую тоску седого пилигрима
 С весны в себе несу весомо и незримо.

Под летний выйду дождь – садится мне на плечи,
 Как дауночка-дочь, бормочет и лепечет.

Уж осень, а она по-прежнему хлопочет,
 Как верная жена со мной в дорогу хочет.

Ну вот и снег пошёл – вдову никто не видит,
 И это хорошо: не видит – не обидит...